

Не все люди враги...

Пришельцы из космоса, колымское золото, «алая и белая розы» 1959–1964

М.Б. Черненко

«Следы ведут... в Космос?»

А в нашем повествовании здесь впервые появляются новые и весьма важные для всей этой истории лица. Сначала — физик-теоретик Моисей Исаакович Каганов, в то время — сотрудник УФТИ, Украинского физико-технического института в Харькове.

Часто бывая в Москве по служебным делам, Каганов однажды рассказал в гостях у друзей, какую интересную штуку услышал недавно в Сухуми. Научный сотрудник тамошнего закрытого института собирает самые разные факты и тексты, которые можно истолковать как свидетельство посещения нашей Земли космонавтами из других миров в далеком, может быть, доисторическом прошлом. И предполагает, что такой визит инопланетян на Землю уже был. Назвал Каганов и странную фамилию ученого — Агрест.

Разве не интересно? Ведь если люди с Земли долетят когда-нибудь до чужой планеты, они непременно заинтересуются, а не побывал ли там кто-то до них. Так почему же не

поискать таких следов «у себя дома», на Земле? Слушавшие заулыбались, поспорили немного и успокоились; общий разговор перескочил на что-то другое. А один из гостей вышел в соседнюю комнату и записал на случайном клочке бумаги два слова: столицу Абхазии и странную фамилию ученого.

Так что утром следующего дня мы с В.Р. уже размышляли, как бы попасть в Сухуми и найти там загадочного Агреста. А в обеденный перерыв позвонили писателю и журналисту, физику по профессии, Виктору Николаевичу Болховитинову, в те годы — главному редактору замечательного детского (и не только!) журнала «Юный техник». В этом журнале мы уже иногда печатались, нас там знали (а В.Р. к тому же был Виктору Николаевичу почти родней: их жены — двоюродные сестры).

Рассказали коротко, как и что. Сказали, что одному из нас можно будет взять на несколько дней отпуск за свой счет в «Горном журнале». Так вот, нельзя ли получить командировку в Сухуми от «Ютика», чтобы написать для них о такой интересной штуке? Болховитинов что-то переспросил, посопел и сказал, что вроде бы любопытно, но он еще подумает. А через несколько дней вдруг сам позвонил нам и огоршил: «Не надо ехать в Сухуми!» — «Почему?» — «А потому, что Агрест сейчас у меня в редакции. Передаю ему трубку, договаривайтесь о встрече...»

И вечером того же дня мы познакомились с Матесом Менделевичем Агрестом в квартире его московских родственников, где он остановился. Приветливо улыбающийся, небольшого роста коренастый мужчина с открытым, можно сказать, крестьянским лицом. Лет на десять старше меня. Весь его вид и обхождение были — сама доброжелательность и полнейшее спокойствие.

Рассказал, что окончил мехмат Ленинградского университета, потом аспирантуру по математике в Московском университете. А в детстве в Могилевской губернии учился на раввина. До недавнего времени работал в закрытом «городе Эн»...

В общем, было ясно, что наш собеседник участвует в работах над атомным оружием. По причине сугубой секретности опубликовать свою гипотезу сам в открытой печати не может. И в редакцию «Юного техника» обратился именно за советом о подходящем для этого авторе.

Весь вечер Агрест рассказывал о своих «раскопках» и догадках. И даже снабдил нас добрым десятком неподписанных страниц, напечатанных на машинке. Там тоже было немало интересного о том, что он нам рассказывал. Про необъяснимо гигантские древнейшие сооружения, для возведения которых не существовало в те времена технических средств... Про библейские сюжеты, в которых Агресту виделась возможность участия инопланетных пришельцев... Про оплавленные стекловидные «капли», скопления которых находят на поверхности Ливийской пустыни. Они названы тектитами; их возраст, определенный по содержащимся в них радиоактивным изотопам, превышает миллион лет. Происхождение не установлено, ученые считают вероятным метеоритное, астероидное или кометное...

Через несколько дней мы встретились втроем еще раз (к сожалению, в больнице, куда наш собеседник попал из-за неполадок с сердцем). Обсудили черновики наших записей. И вскоре (9 февраля 1960 г.) стараниями того же Виктора Болховитинова в весьма известной в те годы «Литературной газете» была напечатана наша статья «Следы ведут... в Космос?» Разного шума от нее было немало. Даже детские журналы печатали статьи о «пришельцах» с фантастическими картинками.

А через полгода с лишком, в октябре, в популярнейшей газете «Комсомольская правда» вышла «ответная» зубодробительная статья под хлестким заголовком «Следы ведут в невежество». А как же! Разве в «Литературке» не явная «религиозная пропаганда»? Бог в Библии берет земного жителя Еноха на небо (у Агреста — может быть, пришельцы решили взять одного представителя тогдашней земной цивилизации с собой?). Агрест сомневается в возможности возведения

древнейших циклопических сооружений (например, так называемой Баальбекской террасы в Ливане) при тогдашней «технике» землян. Чепуха, уверяет «Комсомолка», поглядите на египетские пирамиды! Ну а уж «огнь и сера», пролитые Богом в наказание за разврат и безбожие на Содом и Гоморру (у Агреста — может быть, ядерное испытание, проведенное инопланетянами на Земле?), — это вообще ни в какие ворота...

Союз журналистов устроил в своем Большом зале публичную дискуссию по поводу «пришельцев». Чего там только ни говорилось (и кричалось во весь голос). Выступали серьезные ученые, в том числе известный астрофизик Иосиф Шкловский. Выступали писатели и, естественно, самые разные журналисты. Авторы статьи в «Комсомолке» вопрошали, например, почему отдали такую тему «никому не известным...» — на самом деле, похоже, просто завидовали — не они первыми узнали про Агреста. Масла в огонь добавил найденный где-то в Африке огромный наскальный рисунок: то ли водолаз, то ли космонавт в скафандре и шлеме? (Но эта новость продержалась недолго — оказалась чьей-то умелой подделкой, что называется, на злобу дня.)

Споры продолжались и после окончания действия в зале, так сказать, в кулуарах — на лестнице и в гардеробе. И хотя никаких мнений от имени большого начальства слышно не было, многие понимали, что в высоких сферах отношение к появившимся в газетах «пришельцам» вряд ли будет доброжелательным. И мудрые Виктор Николаевич Болховитинов и заведующий отделом науки «Комсомольской правды» Михаил Васильевич Хвастунов (по прозвищу Михвас) под конец приватно договорились: притормозить. Не возвращаться к спорам об инопланетянах в ближайшем будущем. Чтобы сверху не дали по шапке всем вместе...

Ничего такого не случилось, интерес к «пришельцам» стал понемногу утихать. Однако доходил он, как вскоре выяснилось, все же до самых высоких советских верхов. Бывший руководитель компартии Финляндии, а в те годы секретарь ЦК КПСС и член Президиума (Политбюро) Отто Вильгельмович Куусинен, занимавшийся партийной философией, поручил помощнику узнать, нет ли у авторов «Литгазеты» еще каких, не попавших в статью подробностей. Речь пошла даже о возможном приглашении для беседы с самим товарищем Куусиненом. Новых подробностей у нас не было, и дело заглохло само собой. Так и не попали наши «пришельцы» к самому высокому партийно-государственному начальству.

Текстов из «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» сколько угодно в Интернете, так что цитировать статьи целиком незачем, только место занимать. А вот вспомнить швейцарско-американского автора Эриха фон Деникена — надо.

Всему миру давно известен его фильм «Воспоминания о будущем» (1970). В нем (и в его книге на ту же тему) очень много нового и интересного по нашему предмету. Например, гигантские, видимые только с большой высоты, правильные геометрические очертания, в том числе окружности, на труднодоступных плоскогорьях в Южной Америке. Но про то, кто первым обо всех подобных загадках заговорил и где о них напечатано, — у Деникена ни слова. Называется это, по-моему, тихим жульничеством.

Канал Жилинского

Как меня не взяли в «Науку и жизнь»

Что до нас с В.Р., то мы, конечно, благодаря истории с «пришельцами» сильно укрепились в своих планах и возможностях. Работа в «Горном журнале» шла хорошо, начальство было нами довольно. Стал вырисовываться сюжет фантастической повести о поисках следов, оставленных пришельцами на Земле...

А еще мы сочинили проект нового научно-популярного журнала под названием «НАУКА и ТЕХНИКА XX века». И передали его с помощью «первооткрывателя» гипотезы Агреста, физика Каганова, знаменитому академику Петру Леонидовичу Капице с просьбой поддержать предложение о новом журнале. Самое примечательное, если смотреть на это дело с сегодняшней колокольни, что, кроме общих слов о возможности издавать такой журнал большим тиражом, а значит, он будет приносить прибыль, никаких расчетов по этому предмету в нашем «проекте» не содержалось. Ведь все принадлежит государству, а у него-то денег много!

Академик, однако, к проекту отнесся одобрительно и переслал его с этим своим мнением в ГКНТ — Государственный комитет по науке и технике. Недели через две нам оттуда позвонили и пригласили к тамошнему начальнику Управления научно-технической информации. На такого рода встречи отправлялся обычно я. Начальник отозвался о проекте осторожно, но в общем одобрительно. Сказал, что-де сами понимаете, расходы на пропаганду науки и техники большие, но лишних денег у государства нет. Одним словом, будем иметь в виду, доложим и «наверх». А там посмотрим...

Работал в этом управлении молодой сотрудник, которого я знал еще по Горному институту студентом. Он вышел проводить меня и сразу сказал, что вряд ли что из нашего предложения выйдет. Потому что оно «снизу», хоть и с письмом от важного академика. А проходит обычно то, что идет с другой стороны — сверху.

Но все же продолжение «дела» о новом журнале довольно скоро, всего через несколько месяцев, последовало. Правда,

совсем с другой стороны — той, которую назвал молодой сотрудник управления пропаганды ГКНТ.

Для понимания происходивших далее событий необходимо назвать здесь Всесоюзное общество «Знание» и мало кому известный в то время тонкий журнал без иллюстраций «Наука и жизнь». Скучный, по правде говоря. А вот о «Знании», называвшемся сначала «Обществом по распространению политических и научных знаний», судить по хлесткой пародии в кинофильме «Карнавальная ночь» (подвыпивший субъект с портфелем: «Я из общества по распространению!») не следует. Потому что «Знание» было широко развернутым по всей стране крайне полезным делом, особенно — для послевоенных лет, когда в СССР так не хватало образованных людей. Это был серьезный «всесоюзный лекторий», а может, даже общедоступный вечерний университет.

Главой «Знания» формально был всегда известный ученый, академик, а фактическим деловым начальником — «освобожденный» первый зам. В то время — Николай Николаевич Месяцев. Что он за высокое лицо и откуда, я знал. Лет на пять постарше меня. Если коротко — советский руководитель по разной части, куда направит партия. Желающие могут поинтересоваться подробностями в Интернете («СМЕРШ», ЦК комсомола, посол СССР по особым поручениям и прочее).

...В тихую деревню на берегу Оки, где я был в отпуске с семьей и удил рыбу, которой водилось тогда в реке немало, мне принесли с почты из ближайшего поселка телеграмму от В.Р. Здесь я должен сделать отступление и рассказать о переменах в моей личной жизни. Осенью 1957 года распался наш союз с Лидой. Встречать новый 58-й год меня позвала харьковская школьная приятельница Тамара, давно живущая в Москве. В числе гостей со стороны ее мужа была его одноклассница, инженер по образованию. Ей одной пришлось по вкусу состряпанный мной за праздничным столом коктейль. Так мы познакомились с Людмилой, даже потанцевали. Расходились под утро, пешком. Я вызвался ее проводить... До регистрации в загсе добрались лет через пять. И прожили вместе до поздравлений с «золотой свадьбой» и еще несколько лет...

Но вернемся к телеграмме. В ней сообщалось, чтобы я немедленно катил в Москву, потому что завтра утром мне надлежит явиться в правление общества «Знание» к большому начальству. И я пустился в дорогу — километров пять пешком до автобуса, потом два с лишним часа в электричке и т. д.

Утром жара в Москве была изрядная, а костюм у меня один — черный. Надел его, рубашку с галстуком, естественно. Приехал на Новую площадь в Политехнический, где находилось правление «Знания»; там, в приемной, уже ждал Болховитинов. Он наскоро объяснил, что к чему. Тонкую «Науку и жизнь» передают обществу «Знание», чтобы превратить в большой научно-популярный журнал. Главным редактором будет он, Виктор Николаевич. Все это еще на утверждении в ЦК партии, но в принципе решено. И они с товарищем Месяцевым отъезжают, пока суд да дело, назначить в действующую редакцию ответственного секретаря — своего человека, которому надо будет за месяц-другой разобраться в обстановке. Ну и прикинуть, кому оставаться работать в новом журнале, а кто для этого не подходит. Вот Болховитинов и хочет представить меня Месяцеву. Так сказать, на роль «подсадной утки».

Пришел хозяин кабинета, поздоровался с нами и пригласил зайти. Оглядев меня, спросил, зачем я в такую жару в черном костюме. Я ответил, что раз приглашен к большому начальству, с которым лично не знаком, то и одеваться надо «официально». Он улыбнулся: «К начальнику департамента, значит...» Болховитинов помалкивал.

Разговор был недолгий — где работал, чем занимался. Еще Месяцев спросил, давно ли я в партии, где вступал. Удивленно глянул на меня, услышав, что я беспартийный. Оживился, спросив про статью в «ЛГ» о «пришельцах»: «Вы серьезно в это верите?» Я сказал, что, по-моему, речь не идет о вере или неверии; там высказана гипотеза, которую можно исследовать, проверять. Найти новые доводы или опровергнуть...

Закончилась наша беседа на том, что он, Месяцев, еще посоветуется с Болховитиновым и они решат вопрос обо мне. Мы попрощались, я вышел в приемную и стал ждать Виктора Николаевича. Появился он там взъерошенный и хмурый. Все оказалось очень просто — Болховитинов забыл (или вообще не знал?), что я беспартийный, а сватал меня на должность ответственного секретаря журнала. Куда махнул, она же номенклатурная!

Новая, хорошо иллюстрированная и сильно потолстевшая «Наука и жизнь» с главным редактором Виктором Болховитиновым начала выходить в следующем (1961) году и очень быстро завоевала огромную аудиторию. Можно сказать, пришла чуть ли не в каждую семью.

А первая попытка нашего с В.Р. перехода на работу в научно-популярный журнал так и закончилась — ничем. Надолго: до получения мной через три с лишним года партбилета КПСС...

Охотничьи рассказы

Конечно, наша жизнь и работа в редакции «Горного журнала» от этого не остановились, в том числе, естественно, литературные занятия, постоянные обсуждения и споры по дороге на обед и обратно о предполагаемой научно-фантастической повести. В ней компания молодых людей во главе с автором гипотезы о пришельцах, побывавших на Земле, отправляется на поиски их следов. И что-то находит («...кто ищет, тот всегда найдет!» — как в кино «Дети капитана Гранта»). Стали появляться черновики первых глав будущих «Мушкетеров».

Бывали, как и прежде, поездки на горные предприятия, нередко в очень далекие от Москвы края. Случались в этих поездках и недоразумения. Самые разные, в том числе — из-за не совсем достоверных сведений в столицах о местах, весьма от них отдаленных.

Мест, где сходятся в одной точке границы трех государств, в Европе немало. Одно из них — граница России (тогда — СССР) с Норвегией и Финляндией. Это на Кольском полуострове,

неподалеку от городка Никель, названного по имени металла, руду которого здесь добывают и перерабатывают. Заполярье, экзотика... Но все же — граница, и все здесь было, как на границе полагается, запретная зона в том числе.

...В автомобиле нас пятеро: местный водитель, два сотрудника министерства из Москвы и я (все трое в этой ситуации — как бы экскурсанты), и еще ленинградский инженер, которого здесь все знают, — он куратор рудника от проектного института, приезжает сюда постоянно. Фамилия его была, насколько помню, Окунь. Нас он тут опекает на правах старожилы.

У всех четверых приезжих — полученные перед отъездом сюда пропуска в погранзону. Неподалеку от границы машину встречают офицер и солдат. Здороваются с нами, с ленинградцем — как со старым знакомым. Достаем паспорта и пропуска, отдаем офицеру. Солдат остается с нами, офицер с документами уходит в домик погранпоста. Можно сказать, всё как на швейцарской границе в фильме «Семнадцать мгновений весны», нет только нервничающей Кэт.

Стоим, любимся «трехгранной» границей. Ждем.

Проходит сколько-то времени, наш куратор уже выказывает беспокойство — что это они сегодня так копаются? «Не может быть, чтобы у кого-то из вас документы были не в порядке!» Наконец офицер возвращается, раздает документы нам троим, а ленинградцу сообщает: «А вас придется задержать. До выяснения...» Окунь недоумевает: «Какого выяснения?» Офицер разворачивает его паспорт и пропуск: «Вашего имени-отчества, товарищ Окунь!» Тот разглядывает свой пропуск и смущенно улыбается: «Но вы же меня не первый год знаете!» А офицер показывает присутствующим: «Вот, смотрите: отчество в паспорте и в пропуске в погранзону у гражданина Вэ Бэ Окуня разное! В одном Бенцианович, в другом — Бенционович...» Минуты через три процедура эта, конечно, закончилась. Пропуск пострадавшего остался у пограничников, а ему объяснили, что кому-то в Ленинграде за эту «не ту букву» сильно влетит.

...Гостиница в Мурманске. Вечером сижу в своей комнате за письменным столом. Никто не стучал, но дверь приоткрывается. Появляются две дамы, одна совсем молодая, другая гораздо старше. Обе какие-то потрепанные, хотя одеты вроде бы с претензией на шик. Старшая подталкивает младшую вперед и хриплым голосом спрашивает из-за ее спины: «Молодой человек, хотите получить удовольствие?» Справедил легко, никакого нажима не потребовалось.

Представительницы «первой древнейшей профессии» не раз давали знать о себе и в гостиницах других городов. Но, в отличие от портового Мурманска, как правило, по телефону. «Здравствуйте, меня зовут Анжелика <или т. п.>. Вы не хотите со мной познакомиться?»

...Из Новокузнецка небольшой самолетик летел над гористой тайгой в Абазу (в энциклопедиях она значится городом). Известное пассажирам время полета заканчивалось.

«Это куда же ты рулишь?» — спросил пилот (и вопрос услышали пассажиры, которых отделяла от экипажа только ситцевая занавеска). «На Абазу заходим», — отозвался второй пилот. «Никакая это не Абаза, отворачивай!» — «Куда же это мы залетели?» — с милой непосредственностью удивился тот, и самолетик пошел, разворачиваясь, довольно круто вверх. А нескольким пассажирам стало явно не по себе от услышанного диалога. Но все обошлось, через несколько минут пилоты нашли нужную поляну, и мы благополучно опустились на снег неподалеку от избушки с мачтой и флюгером-«чулком» над ней.

Но вот в поселке, засыпанном снегом по самые окна изб и небольших домов, обнаружить предполагаемую контору рудника мне не удалось. Нашлась в конце концов уборщица домика для приезжих, махнувшая рукой на мой вопрос: «Какое уж тут управление...» И взялась помочь мне отыскать единственное должностное лицо по этой части — бухгалтера.

Он и рассказал, что железную руду здесь уже несколько лет не добывают, потому что известная с XIX века небольшая залежь практически закончилась. А на открытом pobлизости

Сентябрь 1959 года. На перевале Рулу с водителем Гусейном Гайдаровичем Рахмановым

другом, крупном месторождении пока ничего не строят. Там еще работает геологическая партия. Определяют запасы и качество руды, их еще предстояло утверждать в Москве.

К тому же вокруг этого дела завязалась нешуточная интрига. На честь первооткрывателей нового месторождения (а им всегда полагается немалое вознаграждение) претендуют двое здешних жителей — он, бухгалтер отработанного рудника, и техник-геолог. Последний здесь широко известен своей образованностью, постоянно расширяемой довольно своеобразным способом: он выписывает по почте из Москвы все тома БСЭ, «Большой советской энциклопедии». И усердно читает каждый — подряд, от корки до корки, по алфавиту...

Так что единственным, что я увез отсюда в Москву «по службе», стало очередное, надо сказать, весьма обстоятельное обращение двух авторов в важную геологическую инстанцию. Разумеется, с доводами в пользу их приоритета в открытии нового месторождения железной руды.

А про техника-энциклопедиста услышал я вечером того же дня еще одну историю, совсем иного рода. Несколько лет назад, такой же зимой и не так уж далеко от поселка в лесу ему на плечи прыгнула с дерева рысь и вцепилась в меховую шапку — то есть в голову. И он, человек небольшого роста (но явно крепкого телосложения), не растерялся и сумел, забросив обе руки за голову, ухватить хищницу за горло. И душить ее изо всех сил до тех пор, пока зверь не задохнулся насмерть. Вот и такие бывают «охотничьи рассказы». Но шрамы, оставшиеся от когтей рыси на голове у геолога, он показывал; я их видел своими глазами.

...А вот совсем другого рода история, рассказанная коллегами в большом областном городе. На нынешний лад ее можно назвать «хакерской». Только речь в ней о временах далеко «докомпьютерных».

На ночном дежурстве в редакции главной областной газеты приняли из Москвы по телетайпу ТАСС, Телеграфного агентства Советского Союза, текст указа тогдашнего Президиума Верховного Совета СССР. Сообщал тот указ об отмене алиментов, взимаемых с разведенных мужей на содержание детей в пользу матерей, бывших жен.

Как и полагалось поступать с важными сообщениями из центра, текст указа тут же вставили в уже печатающийся утренний номер газеты. И с самого утра побежали по улицам в суды и прочие важные инстанции любящие папаши... А вскоре стало

известно, что то же самое происходит еще в нескольких областных городах. И всех купившихся на этот розыгрыш редакторов вызвали в Москву «на ковер» и крепко им всыпали: соображать, дескать, надо, какой может быть правительственный указ при советской власти, а какого быть не может...

...Несколько слов о простой житейской необходимости для любого приезжего, командировочного тем более — о хлебе насущном. Чего только не пришлось попробовать (или испытать?) в этих путешествиях! Приехали мы поездом из Новокузнецка, тогдашнего Сталинска, в Новосибирск. Поезда на Москву ждать до позднего вечера, часов пять. В буфете какие-то чахлые бутерброды за стеклом, очень уж явно «второй свежести». Зайду, подумал я, в ближайший продуктовый магазин и куплю хлеба, тем и обойдусь.

Магазин нашелся сразу, на привокзальной площади. Покупателей — никого: на полках бутылки «Советского шампанского» да раскрытый картонный ящик с какими-то карамельками.

«Мне только хлеба, — обращаюсь к продавщице, — черного...» Она на меня смотрит с явным удивлением. «Вы, наверно, приезжий? Здешний-то не спросит. Хлеб, молодой человек, у нас как утром привозят, а очередь стоит заранее, так его за полчаса весь и разберут. И всё!..»

Ничего не поделаешь. Обошелся карамельками.

А вот в небольшом узбекском городке уберег меня от худшего сосед по гостинице, часто приезжавший сюда по службе. Совет его был прост: в столовую при рудоуправлении — ни ногой. Покупать в магазине на завтрак можно только плавильные сырки в фольге — их привозят с молокозавода. А обедать только на свежем воздухе — неподалеку в городском парке есть узбекский павильон, фактически — частное заведение. Очень жирно, но зато совершенно безвредно, потому что из свежей баранины... Так что самое верное дело было — брать с собой в дорогу копченую колбасу (которую в те годы и в Москве было непросто достать), пачку хорошего чая и карманный кипятыльник-спираль.

Местом же, где такого рода ухищрения не потребовалось, оказался Магадан, да и всё путешествие по золотым приискам Колымы. Уже в Охотске, где двое суток просидели, ожидая погоду на Магадан, прямо на летном поле тетеньки с похожими корзинами продавали красную икру — один рубль за полулитровую стеклянную банку. (Рубль, разумеется, не сегодняшний, и всё же!)

Быстро понял, что июль здесь — еще не лето, а август — уже не лето. «Купался» в Охотском море: залез по грудь в холодню-

шую воду с плавающими по ней пятнами солянки магаданской портовой бухты. А вот икрой угощали здесь за столом в гостях совсем просто — ложкой.

Жил я в Магадане несколько дней в гостиничном номере вдвоем с чукчей. Он окончил ленинградский Институт народов Севера и работал в Анадыре третьим секретарем райкома, партии или комсомола — не помню. Анекдотам о чукчах не соответствовал совершенно; занятой молодой человек, в костюме и при галстуке. Разве что слишком, по мне, одеколонился.

...Совсем коротко о путешествии по колымскому краю, устроенном сотрудниками редакции дружественного нам журнала «Колыма». Один Дом приезжих в поселке Ягодное, в 150 километрах от столицы края, чего стоил — прямо как из кино «Сказание о земле Сибирской». Лагерь бывшего ГУЛАГа здесь уже не было, виднелись кое-где только остатки разрушающихся бараков... По дороге на золотые прииски встретили на тамошней природе медведя, искавшего на берегу реки место, откуда удобнее бить рыбу в воде...

Замерзал до костей под землей в золотом руднике — в вечной мерзлоте. Держал на ладони горсть золота («песок»). И слушал явно достоверные объяснения, почему его действительно не воруют. Было, уже давно, несколько судебных процессов, можно сказать — показательных. С одинаковыми приговорами: «ВМН» (высшая мера наказания в тогдашних юридических терминах) всем участникам хищений.

А летел я из Магадана обратно в Хабаровск самолетом, в котором пассажиров в прямом смысле этого слова было раз-два и обчелся. Весь он был заставлен небольшими деревянными ящиками с ручками, явно очень тяжелыми: видно было по тому, как их расставляли здоровенные охранники — сопровождающие.

Кандидат в члены КПСС и реорганизация

Но вернемся к себе домой, в редакцию «Горного журнала» и Госгортехиздат. Там, не без активного участия неоднократно упомянутого выше В.Р., партийное бюро издательства в начале 1960-х занялось приемом меня в кандидаты в члены партии. И схватились снова «алая и белая розы». Масла в огонь подливали вот какое обстоятельство: в то же время подал заявление о приеме в партию молодой редактор, чья фамилия возмущала одну из воюющих сторон сама по себе: Гейман.

Что до меня, то уж потоптались «алые» активисты вволю и по разводу с женой, и по самовольному уходу в «Горный журнал» в 1955-м; уговорили райком запросить обо мне харьковское КГБ. А окончательно доконал проверяющих донос, авторы которого уверяли, что после XX съезда КПСС в Горном институте (!) студент Черненко «организовал антисоветскую группу».

Вот так объявился заново хвост моего бывшего декана. А что Черненко окончил институт за два года до XX съезда и к тому времени уже давно работал в «Горном журнале», авторы подметного письма «не заметили». Очень может быть, что именно «антисоветская группа» переполнила чашу терпения начальства, которое вынуждено было на все это как-то реагировать.

От райкома это был член партийной комиссии — старый коммунист Гуреев. Один из тех, кто вернулся после смерти Сталина из тюрьмы и лагерей. Распространенному мнению о партийных работниках как о тупых чинушах не соответствовал совершенно. Был он уже не слишком здоров и меня приглашал для беседы даже к себе домой. Подробно расспрашивал «за жизнь», особенно про лагерь, про берлинскую «шарашкину мастерскую» и все остальное.

И на прощанье сердито сказал: «Вот про что надо писать, а не ваши фантазии!» (Это, конечно, про «пришельцев».) Я ответил, что такое видишь ни за что не напечатает. «Все равно надо писать, — ответил Гуреев. — Придет время, и не то еще напечатает...» И ведь сбылось! Нескоро, через четверть века. И не без моей вины — очень уж долго собирался.

Пришел мой проверяющий и на партсобрание в издательстве, на котором нас с Гейманом принимали в кандидаты

партии. Читал вслух доносы и комментировал их: «Выходит, что это сплошное вранье».

Все хорошо понимали, что это главная ступенька. Что принятого в кандидаты партия принимает в ее полноправные члены проще, это как бы само собой разумеется. Так что на следующий год издательские воители только слабо потолкались локтями, и на том дело кончилось. И мне вручили в райкоме партийный билет.

К тому времени началась у нас уже другая катавасия — чисто служебная. Без реорганизаций ведь никак нельзя, и к Госгортехиздату присоединили еще два или три издательства. Главным стала, естественно для тех и следующих лет, нефтяная промышленность. Назвали новорожденное соединение красивым словом «Недра», а главным начальником стал директор с грозной (особенно по сравнению с нашим Зайцевым) фамилией Львов. Сразу нашлось немало желающих лично представиться новому начальству. Принимал он тех ходоков легко, выходили же они из его кабинета быстро и невеселые: директор Львов не терпел пустословия.

Появились и начали наводить свои порядки новые чиновные люди, не слишком сведущие в издательском деле. Журнальные и иностранную редакцию переселили в неведомые закоулки, спрятанные между старыми домами в самом центре Москвы. Будешь искать по адресу — можешь целый день проплутать и не найти.

В непосредственные начальники достался нам дядя солидного вида, назовем его Ивановым (между собой подчиненные стали именовать его не иначе как Васьюкой). В хорошем, но всегда мятом костюме, постоянно что-то неладное подозревающий, непонятно зачем разглядывающий страницы рукописей. В первый же день своего появления упомянул вскользь, что вообще-то он горный инженер. И гораздо увереннее добавил: «Вы, конечно, меня не знаете, но вы меня еще узнаете...»

Первым его начальственным делом стал перенос телефонов. В довольно большой комнате, давно не знавшей свежих обоев или штукатурки, было их два, с общим номером. Один аппарат, который почище, сразу переехал на большой стол начальника, и было сурово объявлено, что телефон — только для него. Второй же велено было убрать, чтобы не мешал трудиться, и повесить на стенку в убогом коридоре. Редактировать тексты дома новый начальник не разрешал почти никому. Хмуро бубнил: «Работать на работе надо...»

Наступило лето. Каждый, кто спрашивал Иванова об отпуске, выслушивал, что вообще-то полагается прилежно работать, а не в отпусках прохлаждаться. И прочее в том же духе. Так или иначе, а в отпуск я вскоре отправился. Путешествовали с детьми по Оке, отдыхал, что называется, душой от передраг последних лет. А в первые же дни после возвращения на службу услышал разговор: говорят, мол, будет еще какой-то научно-популярный журнал. Какого направления, о чем — неизвестно. «Может, про химию? Хрущев ведь все время ее поминает». Ничего определенного не услышал.

Было 10 октября 1964 года. Кто-то позвал из коридора: «Тебя к телефону». В трубке — знакомый голос. Это Виталий Гольдманский, приятель моих студенческих времен, шутник, строитель сценки-шарада и розыгрышей. Тогда — молодой кандидат наук, теперь — завлаб в Институте химической физики Академии наук, ее член-корреспондент. И к тому же зять вице-президента Академии Н.Н. Семенова, единственного тогда советского лауреата Нобелевской премии. Услышал: «Хватай такси и срочно приезжай в Химфизику! Тебя ждут у Николая Николаевича».

Сообщив о причине необходимой мне отлучки выпучившему глаза Иванову, я стартовал. Рубль или два на дорогу у меня были, «левого» водителя поймал сразу. Так я отправился к новому повороту в жизни, о чем, естественно, еще не подозревал. О нем — в следующей главе.

Продолжение следует